

18+

ДМИТРИЙ ГОЛЯКОВ

Пчеловод

«ХРАНИТЕЛЬ ГРАНИЦЫ»

Дмитрий Голяков

Пчеловод. Хранитель границы

«Издательские решения»

Голяков Д.

Пчеловод. Хранитель границы / Д. Голяков — «Издательские решения»,

Николай остаётся один с трёхмесячной дочерью. Жена погибла в битве с тьмой, защищая границу миров. Теперь ему предстоит держать оборону и растить маленькую Люду, которая с рождения обладает даром видеть то, что скрыто от других. Девочка растёт, её сила крепнет — а вместе с ней и страх. Ей суждено сделать выбор: принять наследие рода или убежать от него. «Хранитель» — четвёртая книга цикла «Пчеловод». История о любви, которая сильнее смерти.

© Голяков Д.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Последняя битва	6
Глава 1. Хранитель	7
Глава 2. Дар	12
Глава 3. Граница	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пчеловод Хранитель границы

Дмитрий Голяков

© Дмитрий Голяков, 2026

ISBN 978-5-0071-4457-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Последняя битва

Осень 1958 года. Погорелка.

Ночь полыхала огнём, которого не видели живые.

Чёрное пламя вздымалось до самых звёзд, пожирая небо, и в этом аду стояла она — молодая женщина с золотыми волосами, рассыпанными по плечам. В руке её был посох, увитый пчелиными сотами, светящимися изнутри. Свет этот был живой — он пульсировал, дышал, отражал удары тьмы, что накатывала со всех сторон бесконечной, непроглядной волной.

— Уходи, Николай! — крикнула она, не оборачиваясь. — Забери дочь! Я задержу их!

Николай, двадцатипятилетний парень, сжимал в руках банку с мёдом и трёхмесячный свёрток. Дочка Люда спала, не чувствуя, как содрогается земля, как воет тьма за околицей, как трещит по швам сама граница миров.

— Я не оставлю тебя! — рванулся он вперёд, но невидимая стена отбросила его назад, припечатала к земле.

— Глупый! — жена обернулась на мгновение, и в её глазах он увидел бездонную усталость, бесконечную любовь и прощание. — Ты нужен ей. Живи. И помни: род не кончается. Я буду с вами.

Она шагнула в чёрное пламя, и свет её посоха взорвался ослепительной вспышкой. Тьма закричала — пронзительно, предсмертно, на тысячи голосов — и начала таять, сворачиваться, как подпалённая кожа, рассыпаться пеплом по выжженной земле.

Когда Николай пришёл в себя, вокруг была тишина. Осенний лес шумел листвой — обычной, живой, мирной. Луна освещала поляну, где ещё час назад бушевал ад. От жены осталась только россыпь золотистых искр, медленно оседающих на траву, да маленький медальон.

Николай подполз, поднял медальон дрожащими руками, прижал к груди. Металл был тёплым, живым, будто хранил частицу её тепла.

Люда заплакала в свёртке — тоненько, жалобно, будто понимала, что матери больше нет.

— Тише, дочка, — прошептал Николай, глотая слёзы. — Тише. Мы теперь вдвоём. Я не дам вас в обиду. Никогда.

Он поднялся, прижимая ребёнка к себе, и пошёл к дому. Пасека гудела тревожно, пчёлы металась над ульями, но граница затихла. Впервые за много лет.

Тьма отступила. Но цена была высока — неподъёмно высока для одного человека.

Глава 1. Хранитель

Зима 1958—1959. Погорелка.

Мороз под сорок, снегу по пояс, и ветер — такой, что, казалось, выстужает душу до самого доньшка. Николай топил печь не переставая, но в избе всё равно было холодно. Люда спала в зыбке, укутанная в овчинный тулупчик, и иногда вздрагивала во сне.

Николай сидел у стола, перебирая дедовы тетради. Старый дед оставил ему не только пасеку, но и знания. Толстые клеёнчатые тетради, исписанные корявым, но твёрдым почерком. «Пчеловодство. Записи за 40 лет», «Лечебные свойства мёда и прополиса», «Наблюдения за поведением пчёл в разные фазы луны». А отдельно — самая страшная, самая важная: «Граница. Защита. Битвы».

Николай раскрыл её на закладке, где дед описывал тьму.

«Тьма не имеет формы. Она может быть туманом, тенью, ветром. Она проникает в щели, в мысли, в сны. Бойтся только света — настоящего, живого. Свет дают пчёлы, мёд, воск. И люди, в которых течёт наша кровь. Если Хранитель погибает, граница истончается. Но если у него есть потомок, сила передаётся. Не теряй надежду».

Николай захлопнул тетрадь. Надежда... Какая уж тут надежда, когда жена лежит на погосте, и даже могилы толком нет — только пепел да медальон, который он носит на шее, грея своим теплом.

В дверь постучали.

Николай вздрогнул. Кто мог прийти в такую ночь? Он подошёл к двери, прислушался. Стук повторился — настойчивый, уверенный, но не злой.

— Кто там?

— Открывай, Коля, свои.

Голос был женский, молодой, твёрдый. Николай отодвинул засов и увидел на пороге Нюру. Соседку, знахарку, о которой в округе ходили слухи — кто с уважением, кто с опаской. Ей было лет под сорок, но держалась она крепко: широкие плечи, уверенный взгляд, в руках — узелок, за плечами — охотничий карабин.

— Нюра? — удивился Николай. — Ты как? Дорога вон какая, ночь, мороз...

— На лыжах, — коротко ответила она и шагнула через порог. — Закрывай, холод напустишь.

Она прошла в избу, скинула тулуп, уставилась на зыбку.

— Дочка-то?

— Люда, — кивнул Николай. — Три месяца всего.

— Хорошая. В мать пойдёт. — Нюра присела на лавку, выдохнула, отогревая руки. — Я зачем пришла, Коля. Ты теперь один. Границу держать надо. А у тебя дитя на руках.

— Я знаю, — глухо ответил Николай. — Дедовы записи читаю. Учусь.

— Мало читать. Делать надо. Завтра с рассветом пойдём к границе. Я покажу, что да как. Ты теперь Хранитель. И не смей нюни распускать. Жена твоя погибла не для того, чтобы ты скис.

Николай поднял голову. В глазах Нюры была такая сила, что спорить не хотелось.

— Хорошо, — сказал он. — Завтра пойдём.

Люда во сне зачмокала, потянулась ручками. Николай подошёл, поправил одеялы, коснулся пальцем крошечной щёчки.

— А с ней что делать? — спросил он.

— С собой возьмём, — отрезала Нюра. — Не в первый раз. Жену твою тоже с пелёнок по границам таскали. Привыкнет. Иначе нельзя — если оставить, тьма может через сны подбратиться. Она сейчас слабая, раны зализывает, но чувствует нашу кровь.

Николай хотел возразить, но понял: Нюра права. Оставлять дочку одну нельзя. Значит, будет носить с собой. Как медведица медвежонка.

Утром, едва рассвело, они вышли.

Николай нёс Люду в заплечном мешке, приспособленном как люлька. Внутри — овчина, сверху — полог, чтобы ветер не задувал. Девочка спала, даже не просыпаясь от покачивания.

Мороз кусал щёки, но Нюра шагала впереди на лыжах легко и быстро. Николай едва поспевал за ней, проваливаясь в сугробы.

Лес встретил их настороженной тишиной. Только снег скрипел под лыжами да где-то далеко стучал дятел — отмерял время.

— Стой, — вдруг сказала Нюра, вскидывая руку. — Чуешь?

Николай прислушался. Ничего. Только ветер в кронах.

— Тьма близко, — тихо сказала она. — Она всегда рядом после таких битв. Раны зализывает, силу копит. Но и мы не лыком шиты.

Она достала из-за пазухи горшочек, откупорила. Пахнуло мёдом — но не обычным, а каким-то древним, густым, с оттенком трав и звёзд.

— Мажь на виски и запястья, — велела Нюра. — И девочке капельку на лобик. И на родничок, пока не зарос.

Николай сделал, как велено. Люда во сне улыbnулась и чмокнула губками.

— Она чувствует, — кивнула Нюра. — Сильная будет. Сильнее нас. Если захочет.

— Что значит «если захочет»?

— А то и значит. Дар — он не кандалы. Можно и отказаться. Только потом всю жизнь жалеть. Или не жалеть — кто знает. Её выбор. Не нам решать.

Николай промолчал. Слишком страшно было думать, что дочь может отказаться. Но и заставлять он не мог — жена бы не простила.

Они пошли дальше. Через час вышли на поляну.

Здесь воздух дрожал, хотя мороз стоял лютый. Снег на поляне не лежал — земля была чёрной, дымящейся, и по краям росла странная трава — сизая, светящаяся в сумерках.

— Граница, — сказала Нюра. — Тонкое место. Здесь твоя жена билась. Здесь она и ушла.

Николай опустил на колени. Люда заворочалась в мешке, но не проснулась.

— Я чувствую её, — прошептал он. — Она здесь.

— Здесь, — подтвердила Нюра. — И всегда будет. Граница — она как река. Те, кто ушли, остаются в ней. Помогают нам. Слушай.

Николай закрыл глаза. И вдруг услышал — не ушами, а сердцем, самой глубиной — тихий, знакомый голос:

«Коля... береги дочку. Я с тобой. Всегда с тобой».

Слёзы брызнули из глаз, но он сдержал рыдания. Нельзя. Он теперь Хранитель. За них двоих.

— Вставай, — строго сказала Нюра. — Работа есть.

Они обошли поляну по кругу. Нюра показывала, где ставить обереги, как закапывать горшочки с мёдом, какие слова читать. Николай слушал и запоминал — каждой клеткой, каждым нервом, потому что знал: это не просто слова, это жизнь.

К вечеру вернулись в избу. Нюра осталась ночевать. Напоила Николая чаем с мятой, накормила Люду и велела спать.

— Завтра ещё много дел, — сказала она. — И послезавтра. И всю жизнь. Готовься.

Николай лёг на лавку, прислушиваясь к дыханию дочери. Впервые за эти дни он почувствовал — не одиночество, а опору. Нюра была рядом. И мать его жены была рядом. И дед. И она.

Все они — с ним.

Весна пришла поздно. Только к середине апреля сошёл снег, и пасека ожила — пчёлы вылетели на первые облёты, загудели, закружили над проталинами. Николай работал с утра до ночи, но теперь у него была цель — не просто выжить, а держать границу. Он обходил её каждую неделю, проверял обереги, ставил новые. Люду носил с собой — в мешке за плечами, как учила Нюра.

К концу весны девочка начала сидеть. Раньше срока, говорила Нюра, но Николай только улыбался. Люда могла подолгу рассматривать свои пальцы, тянуться к солнечным зайчикам, а когда слышала гул пчёл — замирала и прислушивалась, будто понимала их язык.

Нюра приходила раз в неделю — приносила травы, молоко, помогала по дому. Иногда оставалась ночевать, сидели с Николаем за столом, пили чай, говорили о разном.

— Ты бы женился, Коля, — сказала она однажды. — Молодой ещё, не век одному маяться.

Николай покачал головой.

— Некогда мне, Нюра. Пасека, граница, Людка. Да и кто пойдёт за меня? С дитём, с хозяйством... Да и не хочу я. Её забыть не могу.

— Не забывать — это правильно, — кивнула Нюра. — Забывать нельзя. Но жить дальше надо. Людке мать нужна.

— Ты же есть, — улыбнулся Николай. — Ты ей вроде бабки.

— Я — другое. Я скоро состарюсь, а ты молодой. Ладно, неволить не буду. Но ты подумай.

Николай и правда думал. Иногда, вечерами, когда Люда засыпала, накатывала тоска. Она снилась — живая, тёплая, смеющаяся. Просыпался — а рядом пустота. И только Людка в зыбке напоминала, что жизнь продолжается.

Он подходил к дочке, поправлял одеяльце, гладил по головке. И чувствовал — не один. Она здесь, рядом. В сердце.

Люда поползла. Сначала неуклюже, по-пластунски, потом быстрее, увереннее. Освоила пространство избы за неделю, и Николай только успевал убирать с нижних полок всё, что можно скинуть и разбить.

А вскоре она начала говорить. Сначала отдельные слова — «мама», «папа», «баба», «дать». Потом — короткие фразы. Нюра, услышав это, покачала головой:

— Раню. Обычные дети так в два года говорят. А ей года нет.

— Это плохо? — насторожился Николай.

— Это не плохо и не хорошо. Это просто так. Дар её толкает вперёд. Она видит больше — значит, и сказать хочет больше. Ты не удивляйся. Привыкай.

На пасеку он брал её с собой с первых дней. Люда сидела в тенечке, под яблоней, на старом одеяле, и наблюдала, как отец возится с ульями. Пчёлы кружили над ней, садились на плечи, на руки, ползали по голым пяткам. Люда смеялась, дёргала ножками, но ни разу не заплакала от укуса — пчёлы не жарили её.

— Своя, — довольно говорил Николай. — Кровь чувствуют.

Нюра, приходя, подолгу сидела рядом с Людой, что-то шептала ей, водила рукой над головой. Девочка замирала, смотрела на неё серьёзными глазами, будто понимала.

— Дар большой, — сказала Нюра однажды. — Я такого не видела. Ты, Коля, береги её. Не отдавай никому. И не пугай.

— Чем пугать?

— Всем. Снами, видениями, голосами. Она будет видеть то, чего другие не видят. Слышать мёртвых. Если испугается — закроется. И тогда дар уйдёт глубоко, может, навсегда.

Николай нахмурился.

— А как же... как её учить тогда?

— Любить. Просто любить. И принимать. А остальному я научу. И дедовы записи помогут. Главное — чтобы она не боялась.

— А она... — Николай замаялся. — Она ведь ещё и говорить рано начала. Ей года нет, а она уже «мама», «папа», «баба». Нюра, это нормально?

— Для обычного ребёнка — нет, — ответила Нюра. — А для такого, как она, — да. Дар он не только в глазах. Он весь её насквозь пронизывает. И ум, и речь, и память. Она будет быстрее расти, быстрее понимать, быстрее говорить. Ты не пугайся. Просто знай: она не такая, как все. И никогда такой не будет.

Николай посмотрел на дочку. Люда сидела на полу, с котятками, и что-то им шептала.

— И что мне делать? — спросил он.

— Ничего. Просто любить. И не мешать.

В ту ночь Люда впервые заплакала во сне. Не просыпаясь, навзрыд, так, что Николай подскочил, схватил её на руки, прижал к себе.

— Тихо, тихо, дочка. Я здесь. Папа рядом.

Люда открыла глаза — мокрые, испуганные — и посмотрела куда-то поверх его плеча.

— Мама, — сказала она. — Мама плачет.

Николай обернулся. В углу комнаты, у печки, дрожал воздух — будто кто-то невидимый стоял и смотрел на них.

— Ты? — прошептал он.

Воздух дрогнул, потеплел, и запахло мёдом. Люда перестала плакать, уткнулась отцу в плечо и засопела.

— Она ушла, — сказала девочка. — Сказала, что любит нас.

Николай сел на лавку, прижимая дочку, и долго сидел так, глядя в пустой угол. Сердце колотилось, но на душе было светло и спокойно. Она приходила. Она с ними.

С той ночи Люда часто говорила о матери. Рассказывала, что та приходит во сне, что показывает ей что-то — цветы, лес, пчёл. Иногда говорила о «прозрачных людях», которые сидят на крыльце и смотрят на пасеку.

— Это предки, — объяснял Николай. — Наш род. Они нас берегут.

— А почему я их вижу, а ты нет?

— Потому что ты особенная. У тебя дар большой.

Люда задумывалась, кивала и убегала играть. Для неё это было так же естественно, как дышать.

Осенью Люда пошла. Первый шаг — у крыльца, схватившись за перила. Второй — уже без опоры. Третий — и она плюхнулась попой в опавшие листья, но не заплакала, а засмеялась.

— Молодец, дочка! — крикнул Николай, подхватывая её на руки. — Теперь бегать будешь!

— Бегать! — повторила Люда и показала пальцем на улы. — Ба!

— Пчёлы, — поправил Николай. — Пчёлы, дочка.

— Ба-ба-ба, — затараторила Люда, и Николай рассмеялся.

В тот вечер пришла Нюра с большим узлом.

— Это Людке, — сказала она, разворачивая тряпки. — Вещи, игрушки. Мои выросли, а эти целы. Пусть носит.

В узле были аккуратные платочки, вязанные кофточки, деревянные лошадки и тряпичные куклы. Люда тут же вцепилась в одну из кукол, прижала к себе.

— Ляля, — сказала она довольно.

— Ляля, — подтвердила Нюра. — Твоя.

Они сидели за столом, пили чай, слушали, как за окном шумит ветер. Люда возилась с куклой, укладывала её спать в коробку из-под обуви.

— Знаешь, Коля, — сказала вдруг Нюра. — Я тебе вот что скажу. Ты не думай, что ты один. Я рядом. И пока жива, буду помогать. А там, глядишь, и Людка подрастёт, и легче станет.

— Легче? — Николай усмехнулся. — Нюра, я каждый день вижу эту границу. Каждую ночь слушаю, не идёт ли тьма. Я даже спать боюсь — вдруг пропущу?

— Не пропустишь. Ты Хранитель. Чувствуешь. А тьма сейчас тихая. Ещё лет пять-десять будет тихая. Раны зализывает. Так что успеешь Людку вырастить.

— А потом?

— А потом она решит. Может, примет дар, может, нет. Это её выбор. Ты не дави.

Николай кивнул, хотя сердце сжалось. Он уже не мыслил жизни без пасеки, без границы. А вдруг Люда откажется? Вдруг уйдёт в город, как другие? Что тогда? Кто будет держать границу?

Но вслух ничего не сказал. Рано об этом думать. Люде всего год.

Глава 2. Дар

Весна 1960 — зима 1961. Погорелка.

Люда росла, и с ней рос её дар.

К весне ей исполнилось полтора года, и она уже всю командовала отцом, тыкая пальцем то в печку, то в банку с мёдом, то в дверь — гулять.

— Папа, ба! — требовала она, и Николай покорно одевал дочку и нёс на пасеку.

Пчёлы зимовали спокойно. Николай прослушивал ульи через трубочку — гул был ровный, без тревоги. Люда сидела у него на руках, тоже прикладывала ухо к стенке и замирала.

— Гу-у, — тянула она. — Гу-у-ут.

— Гудят, — соглашался Николай. — Спят почти. Но гудят.

Нюра приходила теперь реже — раз в месяц, проведать, помочь по хозяйству, принести запасы. Но каждый раз, уходя, она заглядывала в глаза Николаю и спрашивала:

— Держишься?

— Держусь, — отвечал он.

— Ну держись. Я рядом.

В феврале ударили такие морозы, что даже печка не спасала. Николай топил не переставая, дрова таяли на глазах, пришлось идти в лес за валежником. Люду брать с собой нельзя — замёрзнет. Оставить не с кем. Пришлось нести.

Он укутал дочку во всё, что нашлось: овчинный тулупчик, поверх него — старую шубу, оставшуюся от жены, сверху — платок. Люда сидела в санках, как маленький куль, и только глаза блестели из-под вороха одежды.

— Холодно? — спрашивал Николай, останавливаясь.

— Не, — отвечала Люда и требовательно тянула руки. — Папа, ба!

— Какие ба, дочка? Зима. Пчёлы спят.

— Ба, — упрямо твердила Люда и показывала на лес.

Николай прислушался. В лесу было тихо, только снег поскрипывал под ногами. Но что-то дрожало в воздухе — едва заметно, на самой границе чувств. Граница. Тонкое место.

— Чувешь? — спросил он у дочки.

Люда кивнула и серьёзно посмотрела на лес.

— Там мама, — сказала она.

Николай вздрогнул.

— Где?

— Там. — Люда показала пальцем в сторону леса. — Мама идёт.

Он всмотрелся в морозную дымку. Ничего. Только деревья, снег, тишина.

— Мама далеко, дочка. Она не может прийти.

— Может, — уверенно сказала Люда. — Она всегда может. Она просто не хочет пугать.

Николай вздохнул. Люда говорила чисто, длинными фразами — для полутора лет это было чудом. Нюра говорила: дар ускоряет всё. И речь, и память, и понимание. Но иногда Николаю становилось не по себе — слишком взрослой была его дочь. Слишком много видела. Слишком много понимала.

Николай присел перед санками, взял дочку за руку.

— А ты не боишься?

— Нет. Она добрая. Она меня греет.

Николай почувствовал, как к горлу подкатывает ком. Она. Рядом. С ними.

— Поехали дальше, — сказал он, вставая. — Дрова нужны.

Они набрали валежника, загрузили санки и двинулись обратно. Всю дорогу Люда молчала, только иногда поворачивала голову к лесу и улыбалась кому-то невидимому.

Дома Николай растопил печь, согрел чай, накормил дочку. Люда быстро заснула — утомилась на морозе. А он сидел у стола, смотрел на огонь и думал о ней.

Она приходит к дочке. Она греет её. Значит, правда — не ушла. Значит, есть что-то за границей, кроме тьмы.

Он достал дедову тетрадь, раскрыл на той странице, где было написано про связь с ушедшими.

«Те, кто погиб, защищая свет, не исчезают. Они становятся частью границы. Их можно чувствовать, с ними можно говорить — если есть дар. Не бойся этого. Это не тьма. Это продолжение жизни».

Николай закрыл тетрадь и посмотрел на спящую дочку.

— Ты моя связь с ней, — прошептал он. — Ты наша кровь.

Люда во сне улыбнулась.

Морозы отпустили, но снег ещё лежал глубокий. Николай чинил инвентарь, готовился к весне. Люда вертелась под ногами, таскала щепки, совала нос во все банки.

В тот день Нюра пришла не одна. С ней был парень — молодой, лет двадцати, в городской одежде, с фотоаппаратом на шее.

— Это Костя, — представила Нюра. — Из города. Фотограф. Хочет снимки деревни сделать, людей, природу. Я ему про пасеку рассказала.

Николай насторожился. Городские — они разные бывают. Но Костя смотрел открыто, улыбался дружелюбно.

— Здравствуйте, — сказал он. — Не помешаю, если пару кадров сделаю? Красота у вас тут необыкновенная.

— Смотри, — разрешил Николай. — Только близко не подходи, пока я не скажу.

Костя щёлкал фотоаппаратом, делал снимки ульев, деревьев, самого Николая за работой. Люда сначала пряталась за отцовскую ногу, но потом любопытство пересилило — подошла, уставилась на камеру.

— Это кто? — спросила она, тыкая пальцем в объектив.

— Это фотоаппарат, — объяснил Костя. — Он картинки делает. Хочешь, я тебя сфотографирую?

Люда посмотрела на отца. Тот кивнул.

— Хочу.

Костя щёлкнул, и Люда засмеялась — ей понравилось.

— А можно маму сфотографировать? — спросила она вдруг.

Николай замер. Костя непонимающе оглянулся.

— Где мама?

— Там, — Люда показала на лес. — Она всегда там. Но её не видно.

Повисла неловкая тишина. Костя посмотрел на Николая, потом на Нюру.

— Мама... ушла, — тихо сказал Николай. — В прошлом году. Люда её иногда... видит.

Костя кивнул, не задавая лишних вопросов. Городской, а понятливый.

— Извините, — сказал он. — Я не знал.

— Ничего, — ответил Николай. — Ты не виноват.

Костя собрал аппарат, попрощался и ушёл. А Люда долго ещё смотрела на лес и шептала что-то своё.

— Она там, — повторила она. — Смотрит.

Николай обнял дочку.

— Знаю, родная. Знаю.

Вечером, укладывая Люду спать, он спросил:

— А какая она, мама?

Люда задумалась, наморщив лоб.

— Красивая. Светлая. Волосы длинные, золотые. И глаза добрые. Она всегда улыбается.

— А что говорит?

— Говорит, что любит нас. И что надо беречь пчёл. И что ты молодец.

Николай сглотнул комок.

— Спасибо, дочка. Спи.

Лето выдалось жаркое, душистое. Пчёлы гудели с утра до ночи, таскали нектар с цветущих лугов, с липы, с кипрея. Николай едва успевал подставлять новые рамки — мёд лился рекой.

Люда вертелась под ногами, но не мешала — наоборот, помогала. У неё была своя маленькая палочка, которой она «проверяла» улья, и своя тряпочка для протирки. Пчёлы садились ей на плечи, на голову, ползали по рукам — она не боялась, только смеялась.

— Ты гляди, — сказала Нюра, зашедшая проведать их. — Царица пчелиная растёт. Такое раз в сто лет бывает.

— Что значит «царица»? — спросил Николай.

— А то и значит. Пчёлы её слушаются. Не просто не жалят, а слушаются. Чувствуют в ней главную. Были в старину такие ведуньи, что с роем могли разговаривать, куда хотели, туда и направляли. Считалось, что это самый сильный дар.

Николай посмотрел на дочку. Люда сидела на траве, окружённая пчёлами, и что-то шептала им. Пчёлы кружили над ней, будто танцевали.

— И что теперь? — спросил он.

— А теперь ничего. Радуйся. И береги. И не вздумай её учить по-своему. Она сама всему научится. Твоё дело — быть рядом.

В середине мая случилось то, что заставило Николая по-новому взглянуть на дочку.

Он возился в мастерской, чинил инвентарь, когда услышал Людин голос — она звала его, но не испуганно, а скорее удивлённо. Николай выбежал во двор и увидел, что дочка стоит у края пасеки и смотрит на лес. А из леса к ней шла... женщина.

Николай рванул к дочке, схватил её на руки, но женщина остановилась в нескольких шагах и улыбнулась. Она была молодая, красивая, в белом платье, и от неё исходило слабое свечение.

— Не бойся, — сказала она. — Я не причиню зла.

— Кто ты? — спросил Николай, прижимая дочку.

— Я та, кто была здесь до тебя. Твоя бабка. Мать твоего отца.

Николай опешил. Он знал, что его бабка погибла в битве с тьмой много лет назад, ещё до его рождения. Но слышал о ней от деда.

— Ты... как?

— Я часть границы теперь. Как и твоя жена. Мы здесь, рядом. Помогаем, когда можем. А эта девочка... — она посмотрела на Люду, — она особенная. Она видит нас. Слышит. Береги её.

— А ты зачем пришла?

— Предупредить. Тьма не успокоилась. Она ждёт. Раны зализывает, но не ушла. Когда Люда подрастёт, она станет для тьмы целью. Самой желанной добычей. Потому что такой силы не было давно.

Николай похолодел.

— Что мне делать?

— Учить. Не бояться. И помнить: мы с вами. Всегда.

Женщина улыбнулась Люде, та помахала ей рукой, и она начала таять, растворяться в воздухе.

— Баба, — сказала Люда. — Красивая.

— Да, дочка, — выдохнул Николай. — Красивая.

Он пошёл в дом, посадил Люду на лавку и долго сидел, переваривая услышанное. Тьма не ушла. Она ждёт. А его дочь — цель.

Ночью ему приснилась жена. Она стояла на поляне, где погибла, и протягивала к нему руки.

— Не бойся, Коля. Мы защитим её. Но ты должен научить её не бояться. Страх — вот что открывает двери тьме. Любовь закрывает.

— Я люблю её, — ответил он. — Больше жизни.

— Этого мало. Надо, чтобы она сама научилась любить. Себя, мир, пчёл, жизнь. Тогда никакая тьма не страшна.

Она начала таять.

— Не уходи! — крикнул он.

— Я всегда рядом. Спи.

Николай проснулся. За окном светало, Люда сопела в кроватке. Он подошёл, поцеловал её в лоб.

— Я научу тебя не бояться, дочка. Обещаю.

Осенью случилось то, что напонило Николаю: расслабляться нельзя.

Люда играла во дворе с котятами, когда вдруг замерла, уставившись на лес. Николай в этот момент чистил улей и не сразу заметил. А когда заметил — сердце ухнуло.

— Люда! Что там?

Девочка не отвечала, только смотрела в одну точку широко раскрытыми глазами. Николай подбежал, схватил её на руки.

— Дочка! Что с тобой?

Люда моргнула, будто очнулась.

— Там дядя, — сказала она. — Серый. Смотрит.

— Где?

— Ушёл уже. Но он придёт опять.

Николай оглянулся на лес. Тот стоял тихий, зелёный, солнечный. Никакой тьмы. Но чувство тревоги не проходило.

Вечером он достал дедову тетрадь, нашёл раздел о защите детей.

«Если дитя видит тьму, значит, дар открылся рано. Это опасно, потому что детская душа чиста и незащищена. Тьма может проникнуть через сны, через игры, через страх. Надо ставить особую защиту. Мёд, смешанный с полынью и зверобоем, на ночь мазать на лоб, на запястья, на грудь. И читать заговор, что ниже».

Николай прочитал заговор несколько раз, выучил наизусть. Смешал мёд с травами, как дед велел, и перед сном намазал Люду.

— Щекотно, — хихикала она. — Пап, зачем это?

— Чтобы ты спала спокойно, дочка. Чтобы сны хорошие снились.

— А мама придёт?

— Придёт, если захочет. Но ты её не бойся.

— Я не боюсь. Мама добрая. А тот серый — злой.

Николай обнял её.

— Я не пушу его. Никогда.

Ночью он не спал. Сидел у кровати, слушал Людино дыхание, сжимал в руке медальон. Где-то за лесом гудела граница, но тьма не приближалась — боялась.

Под утро он задремал и увидел сон. Жена стояла на крыльце их дома, улыбалась.

— Молодец, Коля. Правильно делаешь. Она под защитой.

— А тот серый? Кто он?

— Посланник. Разведчик. Тьма ищет слабые места. Но Люда не слабое место. Она сила. И ты это знаешь.

— Я боюсь за неё.

— Не бойся. Мы с вами. Все, кто ушли, — мы рядом. Она видит нас, чувствует. Это её дар и её защита.

Она протянула руку, коснулась его лица — тёплым, родным прикосновением.

— Живи, Коля. Расти её. И помни: я люблю вас.

Николай проснулся с чувством, что всё будет хорошо. Солнце уже вставало, Люда сопела в кроватке, котята возились в углу.

Глава 3. Граница

Весна 1961 — зима 1962. Погорелка.

Весна ворвалась стремительно — за неделю снег осел, почернел, побежали ручьи, и на проталинах зазеленела первая травка. Пчёлы ожили, загудели, потянулись на первые облёты. Николай с утра до ночи пропадал на пасеке — чистил ульи, ставил новые рамки, подкармливал ослабевшие семьи.

Люда теперь постоянно была с ним. У неё имелась своя маленькая скамеечка, которую Николай сколотил специально для неё. Она садилась в тени старой яблони и наблюдала за отцом, задавая бесконечные вопросы:

— Пап, а почему эта пчела толстая?

— Пап, а они кусаются?

— Пап, а мёд сладкий, потому что пчёлы сахар едят?

Николай терпеливо объяснял, и Люда кивала, будто всё понимала. А может, и правда понимала — кто знает.

Нюра приходила теперь реже — у неё самой дел хватало, огород, скотина. Но раз в неделю обязательно появлялась, приносила молоко, яйца, свежий хлеб. Сидела на крыльце, курила самокрутки и смотрела, как Люда возится с котятками — кошка принесла четверых, и теперь вся изба была в пушистых комках.

— Хозяйственная растёт, — одобряла Нюра. — Вся в мать.

Николай кивал, но внутри каждый раз что-то ёкало при упоминании жены.

— Ты бы, Коля, к людям выходил, — советовала Нюра. — В клуб сходил, что ли. Танцы там, кино. А то совсем одичаешь в лесу.

— Некогда мне, — отмахивался Николай. — Пасека, Люда. Да и не тянет.

— Дело твоё, — вздыхала Нюра. — Но имей в виду: человеку общение нужно. Не звери мы.

В мае пришла весточка из района — письмо на имя Николая. Редкость по тем временам, почтальонша баба Шура специально занесла, любопытно ей было, кому это пишут.

Письмо было от Григория. Того самого, что зимой замёрзнуть мог. Писал он коротко, но тепло: благодарил за спасение, справлялся о здоровье, о Люде, и сообщал, что собирается в отпуск в июне и хотел бы заехать в гости, если позволите.

Николай перечитал письмо три раза. Странное чувство — кто-то помнит о них, кто-то хочет приехать. Зачем? Просто так? В гости? Он уже отвык от таких вещей.

Люда, узнав, что дядя Гриша приедет, пришла в неописуемый восторг. Целый день прыгала по избе, рассказывала котяткам про Гришу, просила отца испечь пирогов.

— А ты откуда знаешь, что пироги пекут для гостей? — удивился Николай.

— Нюра говорила, — важно ответила Люда. — Когда гости, надо пироги.

Николай усмехнулся и решил, что пироги — это хорошо. Значит, жизнь налаживается.

Григорий приехал в середине месяца, когда цвели сады и пасека гудела так, что закладывало уши. Приехал не один — привёз гостинцы: кульки с конфетами для Люды, бутылку вина для Николая, новые книги для чтения.

Люда, увидев его, повисла на шее и не отпускала целый час. Григорий смеялся, кружил её, рассказывал про город, про зверей, которых лечил. А вечером, когда Люда уснула, они с Николаем сидели на крыльце, пили вино и говорили о жизни.

— Тяжело тебе одному, — сказал Григорий. — Я знаю, сам такой. Но у меня хоть работы много, люди вокруг. А ты тут, в лесу, с дитём.

— Привык, — ответил Николай. — И пасека — она не отпускает. Это ж не просто работа. Это... как ребёнок ещё один.

— Понимаю. У нас, у ветеринаров, тоже со скотиной как с детьми. Но всё же... Ты бы хоть изредка в люди выходил. А то Людка вырастет, уедет, и что ты будешь делать?

Николай промолчал. Мысль о том, что Люда уедет, была слишком болезненной.

— Ладно, — сказал Григорий, видя его состояние. — Не будем о грустном. Ты лучше расскажи про пчёл. Я никогда не видел, как мёд качают. Покажешь?

Утром Николай показал. Григорий ходил за ним, как заворожённый, смотрел, как пчёлы копошатся в рамках, как стекает янтарный мёд в банки, пробовал, ахал.

— Волшебство, — сказал он. — Настоящее волшебство. Ничего вкуснее в жизни не ел.

— Это потому что свой, — улыбнулся Николай. — Домашний. И пчёлы здесь особенные.

— Чем особенные?

— А ты посмотри на них. Не жалят почти. Спокойные. Это потому что место такое. Здесь граница.

— Граница? — не понял Григорий.

Николай замялся. Не рассказывать же первому встречному про тьму и свет.

— Место силы, — сказал он уклончиво. — Дед так говорил. Здесь хорошо пчёлам.

Григорий не стал допытываться — городской, а деликатный.

Уехал он через три дня. Люда опять плакала, но уже не так горько — знала, что дядя Гриша обещал приезжать ещё.

— Хороший человек, — сказала Нюра, когда они остались вдвоём. — Ты, Коля, не отталкивай его. Друзья — это редкость.

— Я не отталкиваю, — ответил Николай. — Просто... непривычно.

— Привыкай. Жизнь длинная.

В июле случилось то, что напонило Николаю: расслабляться нельзя.

Люда играла во дворе с котятами, когда вдруг замерла, уставившись на лес. Николай в этот момент чистил улей и не сразу заметил. А когда заметил — сердце ухнуло.

— Люда! Что там?

Девочка не отвечала, только смотрела в одну точку широко раскрытыми глазами. Николай подбежал, схватил её на руки.

— Дочка! Что с тобой?

Люда моргнула, будто очнулась.

— Там дядя, — сказала она. — Серый. Смотрит.

— Где?

— Ушёл уже. Но он придёт опять.

Николай оглянулся на лес. Тот стоял тихий, зелёный, солнечный. Никакой тьмы. Но чувство тревоги не проходило.

Вечером он достал дедову тетрадь, нашёл раздел о защите детей.

«Если дитя видит тьму, значит, дар открылся рано. Это опасно, потому что детская душа чиста и беззащитна. Тьма может проникнуть через сны, через игры, через страх. Надо ставить особую защиту. Мёд, смешанный с полынью и зверобоем, на ночь мазать на лоб, на запястья, на грудь. И читать заговор, что ниже».

Николай прочитал заговор несколько раз, выучил наизусть. Смешал мёд с травами, как дед велел, и перед сном намазал Люду.

— Щекотно, — хихикала она. — Пап, зачем это?

— Чтобы ты спала спокойно, дочка. Чтобы сны добрые снились.

— А мама придёт?

— Придёт, если захочет. Но ты её не бойся.

— Я не боюсь. Мама добрая. А тот серый — злой.

Николай обнял её.

— Я не пушу его. Никогда.

Ночью он не спал. Сидел у кровати, слушал Людино дыхание, сжимал в руке медальон. Где-то за лесом гудела граница, но тьма не приближалась — боялась.

Под утро он задремал и увидел сон. Жена стояла на крыльце их дома, улыбалась.

— Молодец, Коля. Правильно делаешь. Она под защитой.

— А тот серый? Кто он?

— Посланник. Разведчик. Тьма ищет слабые места. Но Люда не слабое место. Она сила.

И ты это знаешь.

— Я боюсь за неё.

— Не бойся. Мы с вами. Все, кто ушли, — мы рядом. Она видит нас, чувствует. Это её дар и её защита.

Она протянула руку, коснулась его лица — тёплым, родным прикосновением.

— Живи, Коля. Расти её. И помни: я люблю вас.

Николай проснулся с чувством, что всё будет хорошо. Солнце уже вставало, Люда сопела в кровати, котята возились в углу.

Осень вступила в свои права. Лес облетел, по утрам заморозки сковывали лужи, пахло прелыми листьями и дымом. Николай закончил последние приготовления к зиме: утеплил ульи, заделал щели в избе, натаскал дров.

Люда почти не болела, только раз чихнула пару раз, но Нюра сразу напоила её отваром и велела сидеть дома.

В середине октября случилось то, что заставило Николая снова взяться за дедовы тетради.

Ночью Люда проснулась с криком. Николай вскочил, подбежал к кровати — дочка сидела, вся в слезах, и тряслась.

— Что, дочка? Что случилось?

— Страшно, — всхлипывала Люда. — Там... там маму забрали!

— Кто забрал? Где?

— Серые! Они пришли и забрали маму! А она кричала!

Николай прижал дочку к себе, зашептал:

— Тише, тише. Это сон. Мама с нами, она никуда не делась. Слышишь?

Люда всхлипывала, но постепенно успокаивалась.

— А где она?

— Там, — Николай показал на угол, где иногда дрожал воздух. — Смотри.

Люда посмотрела и замерла. В углу действительно теплился слабый золотистый свет — едва заметный, но тёплый, родной.

— Мама, — прошептала Люда и улыбнулась сквозь слёзы.

— Она здесь. Всегда здесь. А серые — это тьма. Они хотят нас напугать. Но мы не боимся, правда?

— Не боимся, — повторила Люда, засыпая.

Николай сидел рядом до утра, держа её за руку. Утром он достал дедову тетрадь и нашёл раздел о защите от ночных кошмаров.

«Если дитя мучают сны, значит, тьма пытается проникнуть через страх. Надо сделать оберег: воск, мёд и волосы ребёнка смешать, закатать в шарик и повесить над кроватью. Читать заговор семь вечеров подряд».

Николай сделал всё, как дед велел. Люда спала спокойно следующие ночи, а на седьмую во сне улыбалась — видела, наверное, маму.

Выпал первый снег. Люда носилась по двору, ловила снежинки языком, падала в сугробы. Котята выросли, стали нахальными, но тоже с интересом обнюхивали белое чудо.

Нюра пришла с новостью:

— В районе говорят, школу новую строят. В соседнем селе. Через два года откроют. Людку отдавать будешь?

Николай вздохнул.

— До школы ещё три года. Рано думать.

— Не рано. Подготовить надо. Одежду spravит, книжки. Да и вообще — к людям приучать. А то она кроме нас с тобой никого и не видит.

Николай понимал, что Нюра права. Люда росла замкнутой, общаясь в основном с отцом, Нюрой и редкими гостями.

— Ладно, — сказал он. — Будем думать.

А Люда, услышав про школу, заинтересовалась:

— А там дети будут?

— Будут, дочка. Много детей.

— И я с ними играть буду?

— Будешь. И учиться.

— А пчёлы? Я их брошу?

Николай рассмеялся.

— Пчёлы никуда не денутся. Будешь после школы приходить и помогать.

Люда успокоилась и побежала дальше ловить снежинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.